

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МИРЫ. КОНЦЕПЦИИ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-3-8-17

В. Н. Степченкова¹

Московский государственный областной университет

ИДЕЯ ЦЕРКВИ КАК ЕДИНСТВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Целью статьи является уточнение ценностной архитектоники романа Достоевского «Братья Карамазовы» в аспекте значения идеи Церкви в его мотивной структуре. Идея Церкви рассматривается в качестве смыслообразующего элемента авторской концепции романа. Доказывается, что Церковь понимается Достоевским не только как социальный институт, явленный в микромире монастырского устройства, но и как общность всего тварного мира, обретаемой им в его Творце. Идея Церкви в романе переплетается с идеей единения мира видимого и мира невидимого, идей духовного преодоления пространственного расстояния и физического времени. На повествовательном уровне идея Церкви в романе реализуется в мотивах поклона, любви к жизни, мотивах вины и ответственности, связанных с формулой «все за всех виноваты», в область которой попадает весь мир, включая как людей, так и природу.

Ключевые слова: Церковь, единение, мотив, молитва, связь времен, поклон, любовь к жизни, ответственность

V. N. Stepchenkova

Moscow State Regional University (Moscow)

THE IDEA OF THE CHURCH AS UNITY IN F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

The purpose of the article is to clarify the value architectonics of Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov» in terms of the meaning of the idea of the Church in its motive structure. The idea of the Church is considered as a sense-forming element of the author's concept of the novel. It is proved that the Church is understood by Dostoevsky not only as a social institution, manifested in the microcosm of the monastic structure, but also as a community of the entire created world, acquired by him in his Creator. The idea of the Church in the novel is intertwined with the idea of the unity of the visible and invisible worlds, the ideas of spiritual overcoming of spatial distance and physical time. At the narrative level, the idea of the Church in the novel

---

¹ Степченкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской классической литературы МГОУ (Москва), st_valentina007@mail.ru

is realized in the motives of bowing, love of life, motives of guilt and responsibility associated with the formula “everyone is to blame for everyone”, which includes the entire created world, including both people and the world of nature.

Key words: Church, unity, motive, prayer, connection of times, bow, love of life, responsibility

В романе «Братья Карамазовы» идея Церкви, а вместе с ней и категория единства, является одной из основополагающих. «Церковь как положительный общественный идеал должна была явиться центральной идеей нового романа или нового ряда романов, из которых написан только первый – “Братья Карамазовы”» сообщал [Вл. Соловьев](#) [Соловьев, 1912, т. 3, с. 197]. Идея Церкви в «Братьях Карамазовых» выражается в учении старца Зосимы о том, что «все за всех виноваты», в изображении духовной радости героев от осознания ими «рая в душе», в деятельной любви Алеши, в молитве матери Софьи Ивановны за сына – все это является ответом на присутствующие в романе нигилистические и атеистические настроения. Мысль об оппозиции Церкви боготорческим идеям проявляется и в композиции, которую Л. П. Гроссман определил как резкое противопоставление лиц и событий: «Скотопригорьевску противостоит монастырь, сладострастнику – русский инок. Антитеза остаётся до конца главным принципом архитектуры Достоевского» [Гроссман, 1965, с. 541]. Е. М. Мелетинский также замечал, что поэтика «Братьев Карамазовых» во многих случаях построена на оппозициях: картины семейного разлада и отцеубийства являются кульминацией хаоса, которому «противостоит церковь как центр космоса» [Мелетинский, 2001, с. 151]. Церковь для писателя являлась не просто общественным институтом, а представлялась в более широком смысле: «вс<я> совокупность верующих, т.е., в первую очередь, народ» [Соловьев, 1911, с. 197] – данное представление Достоевским Церкви открывает диалектический характер понятия единства. Также глубинное понимание писателем сущности Церкви было связано с именем А. С. Хомякова [Кавацца, 2019, с. 124]. Достоевский был хорошо знаком с трудами философа [см.: Достоевский, т. 28, с. 237], в библиотеку писателя входило Полное собрание сочинений А. С. Хомякова в трех томах [Библиотека Ф. М. Достоевского, 2005, с. 146]. На вопрос о том, что такое Церковь, Достоевский отвечал: «Церковь – из Хомякова» [Достоевский, т. 27, с. 64]. Концепция Хомякова о Церкви, оказавшая влияние на Достоевского [Кавацца, 2019, с. 139], была изложена в его трудах [Хомяков, 1886, с. 2–26], где утверждается, что одной из основных ценностных доминант Церкви является «единство» [Хомяков, 1886, с. 253]. Н. А. Бердяев также подчеркивает значимость данной категории в идее Церкви, и пишет: где «единство во Христе, там и Церковь» [Бердяев, 1912, с. 251]. С. В. Белов отмечал, что Достоевский верит «в нравственно организующее начало Церкви, даже высказывает мысль о неизбежном преобразении гражданского общества в единую вселенскую Церковь» [Белов, 2010, с. 125]. Эту же мысль подчеркивает Е. В. Бессчетнова [Бессчетнова, 2021, с. 34]. По мысли В. А. Викторovichа, автору удалось изобразить в романе идею «Церкви как идеального устройства земной жизни человека» [Викторovich, 1993, с. 18]. С. А. Кибальник полагает, что

«идея вселенской Церкви утверждается в романе не только Зосимой» [Кибальник, 2018b, с. 274], но «и Иваном Карамазовым» [Кибальник, 2018a, с. 140]. Н. Нейчев говорит о том, что основное дело Алеши после того, как он покинет монастырь – «возрождение церкви в мире через придание ей нового, духовного облика» [Нейчев, 2010, с. 265]. Исследователь также писал, что в романе целью земного человеческого бытия является «полное воплощение христианской соборности людей в земной Церкви как образе небесной» [Нейчев, 2010, с. 193].

Через Церковь создается общность, которая объединяет самых разных людей на Земле. В романе «Братья Карамазовы» феномен церковной общности представлен в разных аспектах. Один из них связан с **идеей единения миров** и реализуется в мотиве молитвы. Рассмотрим в этой связи эпизод из главы «Верующие бабы». Женщина жалуется на потерю сыночка-трехлеточки, на что старец отвечает, что он пред престолом престоит и «Бога молит» о матери [Достоевский, т. 14, с. 46]². Мать и ребенок теперь живут в разных мирах, но, благодаря Церкви, они находятся в одной общности, более того, старец говорит: «нет его в доме, а он невидимо подле вас. Как же он в дом придет, коль ты говоришь, что возненавидела дом свой? К кому ж он придет, коль вас вместе, отца с матерью, не найдет?» (14; 47). Только благодаря вере и духовному восприятию через молитву мать и ребенок могут иметь духовное незримое *общение*. А. С. Хомяков писал о том, что «все члены Церкви, живые и усопшие, непрестанно совершенствуются взаимною молитвою» [Хомяков, 2019, с. 87]. По отношению к ребенку в главе «Верующие бабы» используются глаголы, которые применимы к миру живых: «о тебе Бога *молит*», «*смотрит и видит* тебя», «*заплачет* по вас», «к кому же он *придет*» (т. 14, с. 46)³. Подобное представление умершего ребенка в составе действенных субъект-субъектных отношений возможно только в Церкви, учение которой утверждает, что у Бога все живы (Лук. 20:38), в то время как атеизм говорит о том, что после смерти «ничего нет, и только “вырастет лопух на могиле”» (т. 14, с. 52).

Связь с другим миром проявляется у Алеши во сне о Кане Галилейской. Во сне юноша попадает в библейский сюжет и там встречает своего любимого, но уже покойного старца, который был одет как при жизни, такой же радостный, светлый и открытый (т. 14, с. 327). После пробуждения в сознании Алеши происходит единение миров: «*как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божьих сошлись разом в душе его*, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”» (т. 14, с. 328). В этом эпизоде посредством Церкви произошло объединение миров, только уже не через молитву, а через сон, и отличие его от обычного сна в том, что Алеша пережил посещение Бога, духовно окреп и обрел силы для дальнейшего земного пути.

² Произведения Ф. М. Достоевского цитируются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Здесь и далее курсив мой. – В. С.

Единение людей через молитву может происходить вопреки **расстоянию**. В романе повествуется об истории унтер-офицерской вдовы, которая рассказывает о своем пропавшем сыне и о совете купчихи: «запиши ты, говорит, сыночка своего в поминанье, снеси в церковь, да и помяни за упокой» (14; 47). Старец определяет исполнение этого совета как греховное действие и призывает женщину к молитве: «ты лучше помоли Царицу Небесную, скорую заступницу и помощницу о здоровье его» (14; 47). Старец Зосима также говорил о единении людей на расстоянии через молитву: «С другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умирительно душе его <...> что есть и за него молельник, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее» (14; 289). Молитва доступна любому человеку независимо от обстоятельств, местонахождения, времени суток и прочего. Молитва объединяет людей в христианскую общину, делает их сопричастниками духовного мира. О. Валентин (Свенцицкий) подчеркивал не только единство молящихся, но в то же время и разъединенность с людьми не молящимися, говорил, что это люди из «разных миров» [Пестов, 2012, с. 629].

Молитва – главная связующая нить как с Богом, так и с людьми. В истории Маркела рассказывается о том, как прежде он враждебно относился не только к своей няне, но и к ее попыткам зажечь «светильце», но после духовного преобразования к юноше приходит всеобъединяющая любовь: «Ты Богу лампадку зажигая молишься, а я на тебя радуясь молюсь. *Значит, одному Богу и молимся*» (т. 14, с. 262). Последние слова выражают основное положение общности в христианстве. Маркел говорил не об окончательном устранении классовых границ, но лишь об их сглаживании: «нельзя, чтобы *не было господ и слуг*, но пусть же и я буду слугой моих слуг, таким же, каким и они мне» (т. 14, с. 262). К **идее единения людей, несмотря на их социальные различия**, восходит история старца Зосимы о встрече со своим слугой Афанасием: «Был я ему господин, а он мне слуга, а теперь, как облобызались мы с ним любовно и в духовном умирении, между нами *великое человеческое единение* произошло» (т. 14, с. 287).

Церковь объединяет людей **сквозь время**. В истории детства старца Зосимы приведен рассказ о его брате Маркеле. Слова Маркела о том, что «жизнь есть рай» (т. 14, с. 262) глубоко засели в душу юного Зиновия (старца Зосимы). Словами брата он говорил в момент своего духовного просветления: «безбожные и глупые и не понимаем, что *жизнь есть рай*» (т. 14, с. 272). И когда Зосима вырос, то эти же слова передал таинственному посетителю, и после покаяния и духовного рождения незнакомцу пришло глубинное осознание этих слов: «разом ощутил в душе моей *рай*, только лишь исполнил, что надо было» (т. 14, с. 283). Таким образом, через осознание рая в душе произошло единение Маркела, выросшего уже Зиновия и таинственного посетителя. К. Миловидов, рассказывая о заселении насельниками заброшенной обители, отмечал свойство молитвы духовно связывать людей друг с другом не только рядом находящихся, но и давно живших, он называл это «молитвенным единением», которое «смыкает разорванную связь времен» [Миловидов, 2010]. Пример вневременного единения людей в романе – это еди-

нение Софьи Ивановны, Алеши и Зосимы: молитва матери стала звеном в цепи, которая привела Алешу к встрече со старцем. Софьи Ивановны уже давно не было в живых, и Алеша ее помнил «как сквозь сон» (т. 14, с. 13), но молитва кликуши и ее вера становится связующим элементом не только между матерью и сыном, но между ей и старцем Зосимой, который наставлял юношу на правильную дорогу, и которого можно рассматривать в качестве ответа на молитву матери.

Глубокая связь обнаруживается между Дмитрием Карамазовым и Зосимой через **мотив поклона**. О. А. Фарафонова пишет о том, что мотив поклона «в художественной структуре романа Достоевского “Братья Карамазовы” имеет колоссальную смысловую и функциональную нагрузку» [Фарафонова, 2003, с. 100]. В главе «Старый шут» наблюдаем сцену встречи старца и гостей: Миусов, Федор Павлович и Иван поклонились по-светски, а Калганов и того не сделал, никто из них не принял благословения старца. Совершенно по-иному вошел к собравшимся Дмитрий: «Он *глубоко поклонился* ему и попросил благословения. Старец, привстав, благословил его; Дмитрий Федорович почтительно поцеловал его руку <...> Дмитрий Федорович еще раз *поклонился*» (т. 14, с. 64). Коннотация этих поклонов совершенно разная: одни кланялись из этикета, но Дмитрий поклонился искренне в сочетании с благословением. И потом старец поклонился Мите: «Став на колени, старец *поклонился* Дмитрию Федоровичу в ноги *полным, отчетливым, сознательным поклоном*, и даже лбом своим коснулся земли» (т. 14, с. 69). Ракитин расценил этот поклон как поклон будущему незаслуженному страданию. Обсуждая его, Михаил и Алеша четыре раза упомянули слово «сон»: «Скажи ты мне, Алексей, одно: что сей *сон* значит? я вот что хотел спросить. – Какой *сон*? – А вот земной-то *поклон* твоему братцу Дмитрию Федоровичу» (т. 14; с. 72). Экспликация поклона выражается во сне Мити о дите, как раз знаменующий осознанное решение незаслуженно пострадать. Образуется кольцевая композиция знакомства Мити и Зосимы, которая связана с мотивом поклона: началось всё с Митино «глубокого поклона» и закончилось поклоном старца «даже лбом» до земли, и эта сцена явилась ключом к пониманию Митино сна, желания пострадать и его судьбы.

Идея Церкви предполагает общность не только среди людей, но и общность со всем тварным миром. В. В. Иванов, рассматривая идею «церкви-семьи» в романе «Братья Карамазовы», пишет о духовной связи людей с миром животным посредством Творца: человек вместе с животными является одной Семьей, и именно ради этих семейных отношений в Библии неоднократно человек спасается «вместе с животным миром, со всем миром живой природы» [Иванов, 2002, с. 96], явный пример тому – Ноев ковчег. Исследователь пишет, что Христос не говорит прямо о любви к природе «а между тем в священных текстах Благой Вести совершенно ясно выражена идея братства человека и животного мира» [Иванов, 2002, с. 95]. Человек у Достоевского «предстает венцом творенья», к которому тянутся «все оси тварного мира: и тварь земная, и звезды небесные» [Киселева, 2020, с. 122], и в этом он наследник христианской традиции, проявившейся и в творчестве его предшественников – Пушкина и Лермонтова. По мысли Достоевского, духовное единение человека с животными, помимо осознания всеобщего

единства, имеет еще воспитательное воздействие и формирует добрые чувства: «Научившись жалеть скотину, мужик станет жалеть и жену свою» (т. 22, с. 26).

Единение с природой видим в жизни Маркела, который разговаривал с птичками, просил у них прощение, называл их «Божии» (т. 14, с. 263), обнаруживая тем самым Божественное начало во всем творении (т. 4, с. 263). Духовное рождение Маркела произошло вместе с весенним рождением природы: «дни наступили светлые, ясные, благоуханные, Пасха» (т. 14, с. 261). Последние слова-наставления перед смертью, обращенные непосредственно к Зосиме, которые запомнились мальчику, были сказаны при закате солнца. Духовная общность человека и природы передается через смысловой параллелизм: весеннее пробуждение природы соответствует прозрению Маркела, закат весеннего солнца – закату жизни молодого человека. Зосима, будучи взрослым, осмысливая последний период жизни Маркела, приходит к постижению смысла, который вкладывал его брат в идею единения человека с окружающим миром и миром природы: «Юноша брат мой у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда, ибо *все как океан, все течет и соприкасается*, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается» (т. 14, с. 290). В осмыслении всеобщего единения старцем Зосимой речь уже заходит не только об общности с живой природой, но также и с неживой – водой, и океан явился лучшей иллюстрацией, которая отражает взаимосвязь и взаимозависимость окружающего мира во всем разнообразии.

В разговорах Алеши и Ивана неоднократно упоминаются «клеякие листочки», здесь мотив единения с природой принимает всеобщий охват и переходит в **мотив любви к жизни**. В черновых заметках к роману читаем, «Как же ты клейкие листочки любишь? Как же ты жить хочешь?» (т. 15, с. 233). Фразы «*клеякие листочки любишь*» и «*жить хочешь*» находятся в ассоциативной связи. Другое высказывание также взято из черновигов: «Ты *не веришь в Бога*. Как же *клеякие листочки?*» (с. 15, с. 233), здесь «*клеякие листочки*» в одном ряду с *верой в Бога*. В разговоре с Алешей Иван заключает: «*Жить хочется, и я живу <...> дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки*» (с. 14, с. 210). Природа едина с человеком и несет жизнь, а стремящийся к вечности человек «часто обретает ее именно в гармонии природы» [Поташова, 2015, с. 136]. В «Дневнике писателя» Достоевский обращается к молодым самоубийцам: «Смотрите, на небе яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали, не живши» (т. 23, с. 26). Юношей и девушек, которым он это говорит, уже нет в живых, но писатель, на самом деле, говорит не им, а потенциальным самоубийцам, к тем, кто в душе помышляют об этом грехе, и для пробуждения жажды жизни Достоевский обращает взор читателей на природу.

Мотив единения с природой и **мотивы вины и ответственности** в романе переплетаются в фокусе учения Зосимы, воспринятой им от своего брата: «скажу тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» (т. 14, с. 262). Эта мысль неоднократно повторяется в романе. В «Дневнике писателя» видим, что и сам автор жил этой идеей. Достоевский писал: «Если он [преступник. – В. С.] преступил закон, который земля ему написала, то *сами мы вино-*

ваты в том, что он стоит теперь перед нами» (т. 21, с. 15). В другом месте пишет: «В фактах этих, может быть, мы и сами все виноваты» (т. 24, с. 54). В эту общность вины людей за грехи друг за друга попадает также и мир природы («птички радостные, простите и вы меня», т. 14, с. 263). Животные невинны в грехе, но тем не менее они невольно являются приобщены греху и вместе со всем творением Божиим несут ответственность и наказание за грех: «Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный» (т. 14, с. 289) – звучат слова Зосимы. О невинности животных говорит и Иван. Но при этом животные, как и дети, являются неотъемлемой частью этого мира и подвергаются жестокости людей, Иван вспоминает стихотворение, в котором хозяин бьет ослабшую лошадь, которая остается кротка и безответна (т. 14, с. 219). Мысль о том, что животным приходится нести ответственность и вместе с тем наказание за грех, отчетливо прослеживается в Священном Писании, где за свои грехи люди должны были приносить агнцев в жертву: «возложит руку свою на голову козла, и заколет его на месте <...> это жертва за грех» (Лев. 4:24). Впоследствии такой Жертвой стал Иисус, так же называемый Агнцем Божиим: «вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Иоан.1:29). Все это говорит о единой общности мира человеческого и мира природного, которая отражена в романе Достоевского.

Идея Церкви соприсуща идее вселенского единства, который реализуется в романе через мотивы молитвы, поклона, любви к жизни, вины и ответственности. Именно Церковь учит нас семейному и гражданскому единству, важность которого очевидно представлена художественным миром романа. Утрата чувства вселенского единства порождает эгоизм («Гори хоть весь свет огнем, было бы мне хорошо», т. 15, с. 352), обособленность («всякий уединяется в свою нору», т. 14, с. 27), одиночество (Иван был «совсем одиноким», т. 14, с. 243), а на социальном уровне порождает такое явление, как случайное семейство (семья Карамазовых). Тогда как идея единения связана с такими явлениями, как соборность и братство, нация, семья. Достоевский утверждает, что именно единение через Церковь является самым верным и незыблемым, и, несмотря на внешние преграды, гарантирует общность со всеми верующими при условии веры человека во Христа и бессмертие. Пребывание в лоне Церкви составляет «альтернативу греховной разобщенности» и дает чувство «благодати сопричастности друг другу» [Киселева, Сахарчук, 2021, с. 163]. Такое «духовное единение человечества во Христе» свойственно Православию и отсутствует, по мнению Достоевского, на Западе (т. 25, с. 152). В романе Достоевского Великий инквизитор посредством своей личности, лишив людей свободы, желал объединить человечество «в бесспорный общий и согласный муравейник» (т. 14, с. 235), где люди были бы послушны ему, лишены осознанности и права выбора, жили бы по установленным порядкам, но данный путь вел бы их в погибель. Этим идеям противопоставляется мирозерцание старца Зосимы, который является в романе главным проповедником «служения братолюбию и человеческому единению» (т. 14, с. 285) через веру в Бога и Церковь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 338 с.

Белов, С. В. Достоевский Ф. М. Энциклопедия / С. В. Белов. – Москва: Просвещение, 2010. – 744 с.

Бессчетнова, Е. В. Идея Церкви как наилучшего общественного устройства: Ф. М. Достоевский и Вл. С. Соловьев / Е. В. Бессчетнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 34–43.

Бердяев, Н. А. А. С. Хомяков / Н. А. Бердяев. – Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1912. – 250 с.

Викторович, В. А. Достоевский и Вл. Соловьев // Достоевский и мировая культура: Альманах – № 1. – Санкт-Петербург: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, 1993. Ч. II. – С. 5–31.

Гроссман, Л. П. Достоевский / Л. П. Гроссман. – Москва: Молодая гвардия, 1965. – 608 с.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1975–1990.

Иванов, В. В. «Церковь-семья» Алеши Карамазова вместо «случайного семейства»/В. В. Иванов//Литературоведческий журнал.–2002.–№16.–С.87–98.

Кавацца, А. Ф. М. Достоевский и А. С. Хомяков: сравнение на расстоянии/А. Кавацца//Проблемы исторической поэтики.–2019.–Т.17.–№4.–С.123–148.

Кибальник, С. А. Спор о церковном суде в романе «Братья Карамазовы» (Ф. М. Достоевский и Вл. С. Соловьев) / С. А. Кибальник // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 140–157.

Кибальник, С. А. Идеал «Вселенской Церкви» в романах «Братья Карамазовы» (Ф. М. Достоевский и Вл. С. Соловьев) / С. А. Кибальник // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия». – Москва, 2018. – С. 272–286.

Киселева, И. А. Идея родственной любви в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / И. А. Киселева, Е. С. Сахарчук // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – Т. 19. – № 3. – С. 150–169.

Киселева, И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса / И. А. Киселева // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 111–129.

Мелетинский, Е. М. Заметки о творчестве Достоевского / Е. М. Мелетинский. – Москва: Изд-во РГГУ, 2001. – 190 с.

Миловидов, К. Святость в добровольно-принудительном порядке / К. Миловидов // Журнал «Нескучный сад». История церкви. – 14 декабря 2010. – URL: <https://www.pravmir.ru/svyatost-v-dobrovolno-prinudit/> (дата обращения: 25. 01. – 2022 г.)

Нейчев, Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского / Н. Нейчев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 316 с.

Пестов, Н. Е. Современная практика православного благочестия: в 2 т. Т. 2 / Н. Е. Пестов. – Москва: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. – 752 с.

Поташова, К. А. Образ «пылающего Везувия» в художественном мире А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. П. Брюллова / К. А. Поташова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (48). Ч. II. – С. 133–137.

Соловьев, В. С. Собрание сочинений. 2-е изд. / В. С. Соловьев. – Санкт-Петербург, 1912. Т. 3. – 440 с.

Фарафонова, О. А. Мотивная структура Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – русская литература / О. А. Фарафонова. – Новосибирск. – 2003. – 202 с.

Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений. Т. 2 / А. С. Хомяков. – Москва: Университетская типография, 1886. – 492 с.

Хомяков, А. С. Церковь одна. Опыт катехизического изложения учения о церкви / А. С. Хомяков. – Москва: ПСТГУ, 2019. – 448 с.

REFERENCES

Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstrukcii. Nauchnoe opisanie. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2005. – 338 s.

Belov, S. V. Dostoevskij F. M. Enciklopediya / S. V. Belov. – Moskva: Prosveshchenie, 2010. – 744 s.

Besschetnova, E. V. Ideya Cerkvi kak nailuchshego obshchestvennogo ustrojstva: F. M. Dostoevskij i Vl. S. Solov'ev / E. V. Besschetnova // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya. 16 – 2021. T. 25. – № 1. – S. 34–43.

Berdyayev, N. A. A. S. Homjakov / N. A. Berdyayev. – Moskva: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1912. – 250 s.

Dostoevskij, F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. – Leningrad: Nauka, 1975–1990.

Farafonova, O. A. Motivnaya struktura F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy». Dis. ... kand. filol. nauk / O. A. Farafonova. – Novosibirsk, 2003. – 202 s.

Grossman, L. P. Dostoevskij / L. P. Grossman. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1965. – 608 s.

Homjakov, A. S. Polnoe sobranie sochinenij. T.2 / A. S. Homjakov. – Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1886. – 492 s.

Homjakov, A. S. Cerkov' odna. Opyt katekhizicheskogo izlozheniya ucheniya o cerkvi / A. S. Homjakov. – Moskva: PSTGU, 2019. – 448 s.

Ivanov, V. V. «Cerkov'-sem'ya» Aleshi Karamazova vmesto “sluchajnogo semejstva” / V. V. Ivanov // Literaturovedcheskij zhurnal. – 2002. – № 16. – S. 87–98.

Kavacca, A. F. M. Dostoevskij i A. S. Homyakov: sravnenie na rasstoyanii / A. Kavacca // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2019. T. 17. – № 4. – S. 123–148.

Kibal'nik, S. A. Spor o cerkovnom sude v romane «Brat'ya Karamazovy» (F. M. Dostoevskij i VL. – S. Solov'ev) / S. A. Kibal'nik // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2018. T. 16. – № 2. – S. 140–157.

Kibal'nik, S. A. Ideal «Vselenskoj Cerkvi» v romanah «Brat'ya Karamazovy» (F. M. Dostoevskij i VL. S. Solov'ev) / S. A. Kibal'nik // Literatura i religiozno-filosofskaya mysl' konca XIX – pervoj treti XXI veka. K 165-letiyu VL. Solov'eva. Ser. “Russkaya literatura i filosofiya: puti vzaimodejstviya”. – Moskva, 2018. – S. 272–286.

Kiseleva, I. A. Ideya rodstvennoy lyubvi v romane F. M. Dostoyevskogo «Podrostok» / I. A. Kiseleva, E. S. Sakharchuk // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2021. T. 19. – № 3. – S. 150–169.

Kiseleva, I. A. «Prorok» (1826) A. S. Pushkina i «Prorok» (1841) M. Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa / I. A. Kiseleva // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2020. T. 18. – № 1. – S. 111–129.

Meletinskij, E. M. Zametki o tvorchestve Dostoevskogo / E. M. Meletinskij. – Moskva: RGGU, 2001. – 190 s.

Milovidov, K. Svyatost' v dobrovol'no-prinuditel'nom poryadke / K. Milovidov / Zhurnal «Neskuchnyj sad». Istoriya cerkvi. 14 dekabrya 2010. – URL: <https://wwwpravmir.ru/svyatost-v-dobrovolno-prinudit/> (data obrashcheniya: 25.01.2022).

Nejchev, N. Tainstvennaya poetika F. M. Dostoevskogo / N. Nejchev. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2010. – 316 s.

Pestov, N. E. Sovremennaya praktika pravoslavnogo blagochestiya: v 2 t. T. 2 / N. E. Pestov. – Moskva: Bratstvo svyatogo apostola Ioanna Bogoslova, 2012. – 752 s.

Potashova, K. A. Obraz «pylayushchego Vezuviya» v hudozhestvennom mire A. S. Pushkina, M. Yu. Lermontova, K. P. Bryullova / K. A. Potashova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 6 (48). CH. II. – С. 133–137.

Solov'ev, V. S. Sobranie sochinenij. 2-e izd. / V. S. Solov'ev. – Sankt-Peterburg, 1911. T. 3. – 440 s.

Viktorovich, V. A. Dostoevskij i VL. Solov'ev / V. A. Viktorovich // Dostoevskij i mirovaya kul'tura: Al'manah – № 1. – Sankt-Peterburg: Literaturno-memorial'nyj muzej F. M. Dostoevskogo v Sankt-Peterburge, 1993. CH. II. – S. 5–31.